

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одной из важнейших задач семантического синтаксиса является классификация предложений в соответствии с их семантикой. Основное внимание при выделении семантических типов предложений уделяется **предикату как синтаксическому и смысловому центру предложения**. При этом основанием классификации может служить либо семантика признака, заключенного в предикате, либо вся предикатно-актантная структура.

Так, классификация В. Г. Гака на материале французского ([Гак 1986: 139–158]) и русского языков ([Гак 1998: 457–458]) включает следующие типы предложений, выделяемые на основе семантики предиката: а) бытийные (*Существовала ли Атлантида?*; *В этом городе два театра*; *Этой осенью будет много фруктов*); б) квалификативные, а именно – предложения тождества (*Вена – столица Австрии*), классификации (*Вена – столичный город*), характеристики (*Он ленив*); в) выражающие состояние среды (*Светает*); г) стальные, описывающие состояние субъекта (*Петр спит*; *Ему жарко*); д) реляционные, описывающие отношения между субстанциями (*У Петра два брата*; *Петр видел этот фильм*; *Я знаю этого человека*); е) локальные (*Он здесь*); ж) акциональные, описывающие действия активного субъекта (*Он пишет письмо*). Семантическая классификация предикатов И. П. Сусова [Сусов 1980] учитывает и признак субъектно-предикатной расчлененности предложения. Р. Мразек ([Мразек 1990]) в рамках классификации ядерных структур простого предложения в славянских языках выделяет пять классов предикатируемых признаков, выражаемых предикатом, – действие, обладание, экзистенция, качество, количество.

Предполагается, что предложения, организуемые тем или иным семантическим типом предиката, являются отражением соответствующей денотативной ситуации. Так, денотативная бытийная ситуация, в концепции М. В. Всеволодовой [Всеволодова, Го Шуфень 1999], – это любое положение дел, основанное на предикате существования и нахождения: *Есть такая партия!*; *В реке водится рыба*; *На столе – книга*; *Книга лежит на столе*; *В среду будет зачет*; *Валяются какие-то вещи*; *Произошел взрыв бомбы* и т. п.

Обращение к предикатно-актантной структуре позволяет связать семантику предложения с количеством и характером компонентов про-

позиции, как, например, в [Адамец 1978: 23–32; Шмелева 1994]. Так, однокомпонентные пропозиции, по П. Адамцу, – это предложения о состоянии природы: *Светает; Чуть морозило*. Двухкомпонентные пропозиции (предикат и один актант) могут сообщать: а) об активной деятельности актанта (*Данилов встал*) или о контролируемом им состоянии (*Юноша улыбнулся*); в) о неконтролируемом состоянии актанта (*Он побледнел; Конвейер стоял; Мне тепло и уютно*); в) о проявлениях существования актанта (*Наступил вечер; Но есть еще и другие трудности*); г) о квалификации или классификации актанта (*Он хороший; Мой папа – шофер*); д) о количественной характеристике актантов (*Таких типов три; Нас уже четверо*); е) о состоянии и характере окружающей среды (*В классе было жарко*). Еще более разнообразны по семантике трех- и четырехкомпонентные пропозиции.

Пропозиционально-семантические классификации предложений учитывают характер мыслительного процесса, организующего пропозицию. С этой точки зрения могут быть противопоставлены событийные (онтологические) и логические пропозиции ([Шмелева 1994; Гладров 2002]). Событийные пропозиции «портретируют» действительность – происходящие в них события с их участниками. Логические пропозиции представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах и отношениях ([Шмелева 1994: 10]). Событийные пропозиции имеют признак временной протяженности, а логические этим признаком не характеризуются: «умственные операции рассматриваются как вневременные, абстрактные» [Гладров 2002: 26]. «Типы событий», в концепции Т. В. Шмелевой, классифицируются далее с опорой на значение предиката и набор его актантов. Это пропозиции существования, в число которых автор включает, помимо собственно бытийных, предложения местонахождения и обладания (*Есть такая река – Енисей; Стол у окна; У него есть магнитофон*), состояния (*Чашка разбита; Он болен; Мать в тревоге*), движения (*Она отошла от окна; Камень упал*), восприятия (*Он увидел автобус; Аудитория восприняла сообщение внимательно*), действия (*Он веселится; Она сварила суп*). Среди логических пропозиций Т. В. Шмелева выделяет – как основные – пропозиции характеристики (*Ему 40 лет; Он высок; Тигр – хищник*), отождествления (*Лингвистика – то же, что языкознание*) и релятивные (логические операции соединения, сопоставления, подобия и т. п.). У В. В. Гладрова дифференциация событийных (онтологических, в терминологии автора) пропозиций уточняется признаками контролируемости, динамичности, достижения границы происшествия, различающими действие и процесс, деятельность и состояние,

действие и деятельность. В результате в число онтологических входят элементарные пропозиции экзистенции, действия, деятельности, процесса, состояния. К логическим разновидностям пропозиций принадлежат элементарные пропозиции признака, идентификации, притяжательности, наименования и отношения.

Несколько иные критерии анализа выдвигаются в **логико-грамматических (логико-синтаксических)** классификациях предложений, показывающих, каким образом особенности человеческого мышления отражаются в структуре предложения. Предполагается, таким образом, что та или иная мыслительная операция может быть выражена некоторым набором синтаксических конструкций, которые можно назвать логико-синтаксическими (логико-грамматическими) структурами, поскольку они определяются (отграничиваются) логико-семантическими признаками. Но с какой стороны подойти к их выделению? Что должно быть положено в основу классификации: «мыслительное» (логическое) или грамматическое начало?

Семасиологический подход ориентирован прежде всего на грамматическую (формальную) семантику. Так, заявленные как логико-грамматические типы предложений в концепции В. Г. Адмони ([Адмони 1973]) – это «конкретные грамматические структуры, обладающие грамматической формой, с помощью которой выражается... определенное логическое содержание, то есть отразившиеся в человеческом мышлении типические связи и отношения объективной действительности» [Адмони 1955: 103–104]. Главным средством дифференциации логико-грамматических типов в этой концепции является сказуемое и его формы. В соответствии с этим В. Г. Адмони выделил (применительно к немецкому языку) следующие основные формы выражения мыслительного содержания: 1) как «отправной» логико-грамматический тип – предложения с подлежащим в именительном падеже и знаменательным глаголом, служащие для обозначения действия и состояния; 2) предложения с семантикой включения и отождествления с использованием предикатива – существительного в именительном падеже; 3) предложения с субъектно-объектной семантикой; 4) особые типы (например, номинативные предложения). Отсутствие формальных расхождений, по мнению В. Г. Адмони, определяет отнесенность к одному и тому же типу, а семантические различия между ними не считаются существенными.

При ономасиологическом принципе классификации в основу кладется характер выражаемой в предложении мысли и / или способ ее формирования. Например, анализ отраженных в языке «типов мысли» используется В. В. Бабайцевой ([Бабайцева 1979: 132–133]) для выявления

ния особенностей номинативных предложений – постоянного объекта ее лингвистического интереса – в сравнении с другими односоставными и с двусоставными предложениями. Вычлениются 3 основных вида мысли: 1) «предмет речи (мысли) и его предикативная (качественная) характеристика»; выражается двусоставными предложениями и некоторыми односоставными: *Закат красив!; Красиво!; Красота!*; 2) «предмет речи (мысли) и его наименование»; выражается двусоставными предложениями: *Это зима; Это дочка моя*; 3) «предмет речи (мысли) и его существование»; выражается двусоставными предложениями и номинативными односоставными: *Была осень; Наступила осень; Осень*. Однако предложенный В. В. Бабайцевой перечень основных (наиболее частотных) семантических типов впоследствии был расширен предложениями действия (*Говорит Москва; Говорят из Москвы*) и состояния (*Мать в тревоге; Матери тревожно*), то есть с ориентацией на семантику предиката ([Бабайцева 1983]).

Очевидна необходимость установления четких одноуровневых критериев, способных лечь в основу семантического деления предложений. Логико-синтаксический подход ([Арутюнова 1976: 18–20]) предлагает следующее решение. При выявлении основных семантических отношений в предложении могут быть приняты во внимание возможные связи между предметом, понятием и именем – вершинами «семантического треугольника». При этом мысль может двигаться в том или другом направлении, что находит отражение в коммуникативной перспективе предложения и референциальных характеристиках компонентов. На основании этого Н. Д. Арутюновой выделены 4 основных логико-грамматических «начала»: 1) отношения экзистенции, или бытийности; 2) отношения характеристики, или предикации – в узком смысле этого термина, 3) отношения номинации, или именованья, 4) отношения идентификации, или тождества. Четыре названных вида отношений соотнесены с особыми логико-синтаксическими структурами: предложениями бытия, характеристики, именованья, тождества. В этих четырех логико-синтаксических типах предложений (далее ЛСТ) находят выражение основные способы человеческого мышления о мире.

Логико-синтаксический подход Н. Д. Арутюновой, в отличие от других принципов классификации, отражает динамический аспект формирования пропозиции. Устанавливается, что именно является отправной точкой и в каком направлении движется мысль: 1) хотим ли мы заявить о существовании объекта в определенном фрагменте мира (связь «понятие – предмет»): *В этом городе есть университет; У него нет друзей; У меня на душе печаль; На деревьях иней*; 2) сообщаем

ли мы какие-либо признаки предмета («предмет – понятие»): *Ребенок читает; Море сегодня спокойно; Машиа умница*; 3) называем ли его имя («предмет – имя»): *Этого мальчика зовут Коля*; 4) указываем ли на идентичность предмета другому, уже известному нам («предмет – предмет»): *Это и есть твой брат Николай; Пострадавший – Иванов*. Эти принципы логико-синтаксического анализа нашли реальное воплощение при исследовании прежде всего бытийного типа предложений ([Арутюнова 1976]; [Арутюнова, Ширяев 1983]), в меньшей мере – предложений идентификации [Арутюнова 1976] и характеристики (напр., [Крылова, Максимов, Ширяев 1997]).

Главное отличие классификации Н. Д. Арутюновой от упомянутых (и некоторых последующих) состоит, во-первых, в сохранении однопорядкового уровня абстракции (уровень этот очень высок и, конечно, при практической работе требует дальнейшей детализации), во-вторых, в учете референции имен в составе основных смысловых компонентов предложения.

Первый момент обеспечивается замкнутостью сторон семантического треугольника (язык – мышление – экстралингвистическая ситуация), второй момент – природой составляющих. Именно распределение разных видов референции определяет «динамику формирования пропозиции» [Ширяев 1995: 7–8]. Так, в бытийных предложениях утверждается бытие или небытие в определенном месте или у определенного лица (исходная точка сообщения с конкретной референцией) некоторой сущности (неопределенный денотативный статус именной группы – далее ИГ). В предложениях характеристики определенному объекту приписывается признак (предикатное употребление ИГ), а в предложениях именованья – кодовое имя, вообще лишенное референции. В предложениях тождества обе ИГ референтны.

Учет референциальной соотнесенности именных компонентов предложения и установление векторности отношений между ними позволяет легко выявить все неточности и смешения, которые возникают при анализе **единой формы, способной осуществлять разные семантические задачи**. Это особенно отчетливо видно на примере **биноминативных** предложений, которые могут выразить все указанные Н. Д. Арутюновой смыслы (даже – при нестандартных реализациях – бытийных: *Летом тайга – это комары*; см. [Мокрышева 1986: 9]).

Различия в вариантах семантических классификаций биноминативных предложений ([Шведова 1973]; [Русская грамматика 1980]; [Мокрышева 1986]; [Илиева 1996]; [Герасименко 1999] и др.) определяются в значительной степени разной классификацией значений связочного компонента. Если выделение бытийного значения глагола *есть* не

вызывает особых разногласий, то набор выявляемых связочных значений достаточно широко варьируется. Наиболее часто упоминаются атрибутивные (квалифицирующие), включающие (таксономические), идентифицирующие (отождествляющие) значения, базирующиеся на разных вариантах трактовки семантических отношений между смысловыми компонентами и референциальных особенностях последних. Так, в рамках связочных предложений часто противопоставляются таксономические и характеризующие предложения – тенденция, идущая от логических классификаций суждений. В формальной логике суждения *Роза – цветок* и *Эта роза – желтая* строго разграничиваются в соответствии с логико-семантическим статусом субъекта (универсальный, родовой, индивидуальный и т. п.) и его соотносительностью со второй ИГ (включение и квалификация соответственно). На уровне логико-семантических отношений эти различия носят вторичный характер: и таксономические, и характеризующие предложения связывают предмет в широком смысле (т. е. и класс предметов) с признаком (совокупностью признаков), отражая движение мысли от предмета к понятию. Различия денотативных статусов субъекта в этих высказываниях можно рассматривать уже на следующем этапе анализа.

Однопорядковый уровень абстракции при выделении значений связочного глагола *быть* четко выдержан, например, в работе [Бозова 1994], где в рамках связочного значения выделяется собственно связочное значение (включение в класс и квалификация) и значение тождества. Если принимать во внимание и природу связываемых сущностей (предмет, понятие, имя), то глагольный компонент *есть* тогда предстанет, по Д. Вайсу ([Вайс 1985: 457]), как: 1) квантор существования, 2) показатель включения (предикации), 3) знак равенства (тождества), 4) именуемая стрелка – что, в общем, соответствует четырем ЛСТ Н. Д. Арутюновой.

Разным оказывается и объем биноминативных структур со значением отождествления, которое вообще считается первичным (прототипическим) значением биноминативного предложения ([Бъркалова 1995]; [Герасименко 1999]). Значение отождествления часто понимают довольно широко, безотносительно к референциальным признакам ИГ, что позволяет относить к идентифицирующим не только предложения субстанционального тождества, но и построения с семантикой уподобления, сравнения, именованья и др.: *Лицо Гагарина было улыбкой Земли, посланной в космос; Человек – это знание, которое познает само себя; Это Машиа* (примеры предложений тождества из [Крылова, Максимов, Ширяев 1997: 168–169]; [Современный русский язык 2001: 753–754]). При таком подходе граница между идентифицирующими,

характеризующими и именуемыми предложениями оказывается размытой.

При изучении семантики биноминативных предложений **в артиклевых языках** неизбежно встает вопрос об отражении их референциальных особенностей в артиклевой маркированности ИГ ([Супрун 1977]; [Илиева 1996]). Болгарский лингвист К. Илиева предприняла попытку установить связь видов речемыслительных процессов с артиклевой оформленностью второй ИГ в биноминативных предложениях. В работе К. Илиевой выделяются виды речемыслительных процессов, имеющих двоякую (мыслительную и языковую) природу и подчиненных сознательной коммуникативной цели. Для определения тех или иных видов «интеллектуальных действий», выражаемых биноминативными предложениями, привлекается ряд лингвистических проверок: лексические трансформации, диагностические вопросы, проверки на обратимость, на продолжение с помощью личных, указательных и определительных местоимений, придаточными предложениями и др.

«Интеллектуальные действия» говорящего (отождествление, характеристика, классифицирование и др.), по мнению К. Илиевой, отражаются при построении биноминативных предложений в употреблении или отсутствии в послесвязочной ИГ определенного артикля: определенный артикль предполагает целью биноминативного сообщения отождествление и спецификацию («специфициране»), а нулевой артикль – характеристику, классифицирование, интерпретацию и сравнение.

Таким образом, в исследовании К. Илиевой принят семасиологический подход: в одинаковой форме отыскиваются различия, отражающие разные речемыслительные операции. Такой принцип (полностью оправданный в рассматриваемой работе задачами компьютерного моделирования) продемонстрировал и плюсы, и минусы анализа «от формы». Он дает возможность проследить общие смыслы, вызывающие появление артиклевой однооформленности, что важно для решения практических задач. При этом, однако, затушевываются общие черты в семантике разнооформленных ИГ и различия в значении высказываний с одинаковыми артиклевыми показателями. Так, предложения с нулевым артиклем при второй ИГ выражают отношения характеристики, классифицирования, сравнения, интерпретации и названия, ср.: *Колегата на Георги е умен и опитен инженер; Хиената е хищник; Смехът е кислород за живота; Правото е наука за законите; Науката за законите е право*. Сюда включены, как видим, и предложения с общим отношением «предмет – признак» (характери-

зация, классифицирование, сравнение), и некоторые разновидности предложений экспликации и наименования. Разграничение первых трех групп базируется на разного рода трансформациях и лексических подстановках, демонстрирующих определенные семантические различия между этими видами биноминативных предложений.

Предложения с определенным артиклем при ИГ в реме биноминативного предложения, как доказывает К. Илиева, служат целям отождествления и спецификации. Однако формальный признак расширяет круг предложений со значением отождествления. В них автор включает предложения с отношениями партитивными, релятивными и др., а также с метафорическими употреблениями, допускающими определенный артикль: *Моят син е моята надежда*; *Статуята на Венера Милоска е перлата на Лувъра*, см. близкий подход в [Супрун 1977]. Определенным артиклем оформляются и «специфицирующие» ИГ, вычлняющие единичное или особенное в рамках общего. По коммуникативной цели они близки к характеризующим, однако содержат на одно «интеллектуальное действие» больше: в них совершается выбор из класса, что и фиксируется определенной формой артикля при второй ИГ ([Илиева 1996: 41]): *Адвокатът бе единственият богат човек в килията* («специфициране») и *Моята жена е единствена дъщеря в семейството* («включване в клас»). Единичность выбора, преобразуя отношения включения в класс в отношения равенства между классами, ведет, по мнению исследователя, к формальному и семантическому сближению отношений спецификации и отождествления. Определенный артикль при этом считается «сигналом репрезентации внеязыкового объекта» ([Илиева 1996: 49]).

Однако является ли единичность выбранного из класса объекта достаточным критерием для установления референтности ИГ? Известно, что референтная соотнесенность некоторых единичных дескрипций, даже если они маркируются определенным артиклем, совсем не очевидна ([Доннелан 1982]; [Куно 1982]). Детерминация таких дескрипций возможна даже в послесвязочной ИГ биноминативных предложений, что внешне сближает их с конструкциями идентификации. Такое же положение и в русском языке, ср. две ИГ с маркерами идентификации – притяжательными местоимениями: (1) *...эта дама была несомненно его петербургская рыжеволосая тетя...* (В. Набоков); (2) *В школе нам говорили, что Бога нет. Те, кто так говорил, были наши любимые учительницы, и они учили нас хорошему: помогать отстающим, заботиться о птицах, переводить слепых через улицу* (Н. Толстая). Здесь только первый пример полностью удовлетворяет требованиям, предъявляемым к идентифицирующим предложениям.

Предметная референциальная соотнесенность послесвязочной ИГ не всегда совпадает с наличием / отсутствием маркеров детерминации. Так и артиклевая маркированность ИГ в болгарском языке, на первый взгляд облегчающая установление семантики предложения в отрыве от широкого контекста, может создавать и дополнительные сложности: артикль иногда становится ложной подсказкой в установлении денотативного статуса ИГ. Логико-синтаксический подход предложил бы здесь ориентироваться не на артиклевую маркированность, а на выявление референциальных признаков именных компонентов с учетом векторности связи между ними ([Иванова 2003: 82–85, 168–178]). Выделенные Н. Д. Арутюновой четыре ЛСТ могут быть рассмотрены ([Ширяев 1993: 96–97]) как высший уровень обобщения в исследовании семантико-синтаксической структуры предложения, вслед за выделением диктума и модуса Ш. Балли, так как ЛСТ – это способ формирования именно диктума – пропозиции. Более частные обобщения в семантических классификациях Е. Н. Ширяев предлагает связывать с выделением семантических разновидностей в пределах каждого ЛСТ, допуская, впрочем, что принципы анализа для каждого типа могут различаться: если для бытийных предложений существенной является лексико-семантическая специфика локализатора и имени бытующего предмета, то предложения характеристики могут получить дальнейшее дробление в семантическом аспекте – так, как это представлено в ряде работ самого автора, напр. [Ширяев 1993]; [Ширяев 1995]. К классификациям высокой степени абстракции принадлежат, впрочем, все общие группировки типов пропозиций, например, указанные выше онтологические и логические.

Общим принципом анализа каждого из ЛСТ, безусловно, должна быть характеристика в плане языковых способов выражения основных компонентов семантической структуры, как это осуществлено для бытийных предложений в [Арутюнова, Ширяев 1983]. В этом смысле эффективно выделение первичных и вторичных способов выражения смысловых элементов (ср. понятие изосемических / неизосемических конструкций в [Золотова 1982: 127–128]). Чрезвычайно важен здесь учет конситуативной обусловленности: функционирование первичного способа не должно быть связано с особыми условиями; для функционирования вторичного способа такие условия необходимы ([Ширяев 1995: 9]). В. В. Бабайцева ([Бабайцева 1983: 13]) предлагает, вслед за вычленением типа выражаемой мысли, выделять значения, закрепленные за определенными структурными схемами, учитывая в дальнейшем особенности морфолого-синтаксической и морфологической семантики составляющих предложение компонентов.

Очевидно, что рассмотренные семантические классификации предложений представляют разные уровни членения, обнаруживающие, однако, точки пересечения на той или иной ступени классификации.

Л и т е р а т у р а

- Адамец 1978 – *Адамец П.* Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Прага, 1978.
- Адмони 1973 – *Адмони В. Г.* Синтаксис немецкого языка: Система отношений и система построения. Л., 1973.
- Арутюнова 1976 – *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Арутюнова, Ширяев 1983 – *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение: Бьгийный тип (структура и значение). М., 1983.
- Бабайцева 1979 – *Бабайцева В. В.* Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1979.
- Бабайцева 1983 – *Бабайцева В. В.* Семантика простого предложения // Предложение как многоаспектная единица языка. М., 1983.
- Бозова 1994 – *Бозова С. А.* Системные семантические связи глаголов *быть* и *бывать* в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Бъркалова 1995 – *Бъркалова П.* Блок от модели на простите изречения със *съм* в съвременния български език // Съпоставително езикознание. 1995. Кн. 6.
- Вайс 1985 – *Вайс Д.* Высказывания тождества в русском языке: опыт их отграничения от высказываний других типов // НЗЛ. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.
- Всеволодова, Го Шуфень 1999 – *Всеволодова М. В., Го Шуфень.* Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений: Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999.
- Гак 1986 – *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. 2-изд., испр. М., 1986.
- Гак 1998 – *Гак В. Г.* Семантический синтаксис // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд. М., 1998.
- Герасименко 1999 – *Герасименко Н. А.* Бисубстантивные предложения в современном русском языке: структура, семантика, функционирование: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1999.
- Гладров 2002 – *Гладров В. В.* В. В. Виноградов и формирование современной концепции синтаксиса русского языка // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2002. № 1.
- Доннелан 1982 – *Доннелан К.* Референция и определенные дескрипции // НЗЛ. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982.
- Золотова 1982 – *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Иванова 2003 – *Иванова Е. Ю.* Логико-семантические типы предложений: Неполные речевые реализации. СПб., 2003.
- Илиева 1996 – *Илиева К.* Биноминативни изречения и прагматика. Пловдив, 1996.

Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2004. 608 с.

- Крылова, Максимов, Ширяев 1997 – *Крылова О. А., Максимов Л. Ю., Ширяев Е. Н.* Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация: Теоретический курс: Учеб. для филол. фак. вузов. М., 1997.
- Куно 1982 – *Куно С.* Некоторые свойства нереферентных именных групп // НЗЛ. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982.
- Мокрышева 1986 – *Мокрышева Т. Д.* Структурно-семантические особенности биноминативных предложений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Мразек 1990 – *Мразек В.* Сравнительный синтаксис славянских литературных языков: Исходные структуры простого предложения. Вгпо, 1990.
- Русская грамматика 1980 – *Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. Синтаксис.* М., 1980.
- Современный русский язык 2001 – *Современный русский язык: Учебник (Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис).* 3-е изд. / Новиков Л. А., Зубкова Л. Г., Иванов В. В. и др. СПб., 2001.
- Супрун 1977 – *Супрун А. В.* Грамматика и семантика простого предложения (на материале испанского языка). М., 1977.
- Сусов 1980 – *Сусов И. П.* Семантика и прагматика. Калинин, 1980.
- Шведова 1973 – *Шведова Н. Ю.* О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов.* М., 1973.
- Ширяев 1993 – *Ширяев Е. Н.* О некоторых принципах описания семантики предложения // *Семантика языковых единиц: Материалы 3-й межвуз. науч.-исслед. конф. Ч. 3. Синтаксическая семантика. Семантика единиц художественной речи.* М., 1993.
- Ширяев 1995 – *Ширяев Е. Н.* В поисках путей исследования логико-грамматических типов предложения // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность.* М., 1995.
- Шмелева 1994 – *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». 2-е изд. Красноярск, 1994.